
ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

О ПУТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

Пути советских историков старшего поколения имели свои, особые трудности. Наше формирование совершалось в условиях революционной ломки не только старого уклада общества, но и исторического мировоззрения, в условиях распада старой буржуазной науки. Предстояла задача овладения научной методологией марксизма-ленинизма, определения и разрешения на ее основе новой проблематики строящейся марксистской исторической науки.

Особенно сложно это было в провинции, даже в университетской провинции, какой к моменту революции была, например, Одесса. В Петрограде и Москве имелся обширный круг научных работников, среди которых были люди, живо ощущавшие и воспринимавшие новые задачи, многие из них быстро вошли в ряды новой советской науки. Здесь быстро создался и большой отряд советской научной молодежи. Иное положение сложилось на периферии, где гуманитарные факультеты были немногочисленны, особенно мало было историков на историко-филологических факультетах и экономистов на юридических, а студенчество по соответствующим специальностям было представлено единицами. Современному студенту, пожалуй, трудно будет себе представить, что, скажем, нас, русистов, на первом курсе исторического отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета в 1916/17 г. было 5 или 4. Лишь объединение студентов разных исторических специальностей и, добавлю, разных курсов (некоторые общие и специальные курсы одновременно слушали 2 смежных курса) создавало более жизнедеятельный коллектив.

В формировании мировоззрения этой маленькой студенческой ячейки и каждого ее члена огромную роль играла, конечно, сама историческая жизнь в ее общественно-политическом содержании. Но общая научная направленность, интересы и сама конкретная научная основа складывались и формировались еще до университета. В моей подготовке как ученого большую роль сыграли семья и школа и, конечно, общественно-политическая среда, историческое содержание большой революционной эпохи, наложившей свою печать на идеологическую жизнь моего поколения.

Начну со значения семьи. Отец мой был юристом, присяжным поверенным, то есть принадлежал к буржуазной интеллигенции, причем в нем были сильны демократические настроения. Для его общественно-политических интересов характерно, что в его библиотеке оказались сочинения Белинского и Добролюбова, Писарева и Шелгунова, Щапова и Михайловского, работа Н. Даниельсона «Наше пореформенное хозяй-

ство» и А. Васильчикова — «Землевладение и земледелие в России», «Критические заметки» П. Струве и «Развитие капитализма в России» В. Ильина (В. И. Ленина). Я помню в ранние годы, накануне революции 1905 г., отец вечерами читал вслух матери и старшим братьям общественно-литературные журналы — не только «Вестник Европы» и «Русскую мысль», но также «Русское богатство» и «Современный мир», их внутренние и внешние обозрения. Я старался присоединяться к слушающим и что-то, видимо, оседало в сознании. К началу революции я уже имел некоторое представление о политических партиях, читал политическую сатиру и следил за отчетами Государственной думы. В этих условиях, поскольку я и дальше рос среди старших — мои братья были на 5—9 лет старше меня, мои общественно-политические интересы развивались быстро и особенно обострились с началом первой мировой войны.

Влияние старших братьев сильно сказалось на формировании научного склада и направленности моих юношеских стремлений. В семье были представлены разные научные интересы, хотя и с преобладанием гуманитарного уклона. Старший брат (впоследствии видный советский психолог) занимался философией, второй брат — экономическими науками и третий брат — биологией. Отсюда прежде всего мой ранний интерес к соответствующим проблемам теории и методологии науки. Еще в гимназические годы я знакомился не только с Кантом, но и с популярными тогда неокантианскими теориями в области истории, народного хозяйства и права, читал Виндельбанда, Риккерта и работу Штаммлера «Хозяйство и право». Помню, что у меня потом долго сохранялись критические наброски по их работам, где я стремился обосновать свое понимание объективности научного знания, в частности для исторической науки. Отсюда частично и общая характеристика научной проблематики эпохи империализма в моей работе «Русская историография».

Несмотря на эти многообразные влияния, основная направленность моих научных интересов в сторону собственно исторического изучения определилась сразу твердо и устойчиво; характер дополнительных интересов отразился разве что на позднейшей конкретной специализации этих собственно исторических интересов. Наряду с подсознательным воздействием общих общественно-политических интересов, большую практическую роль в этом смысле сыграла школа.

В гимназию я поступил в 1910 г. в третий класс. До конца 1914 г. историю преподавал у нас Илья Лукич Маяковский, впоследствии видный деятель советского архивоведения. Прогрессивный преподаватель в период первой буржуазно-демократической революции, он оказался на плохом счету у начальства, и нормальное продвижение по научной линии оказалось для него закрытым. Обратив внимание на мой интерес к истории, он стал предъявлять ко мне особо повышенные требования, что определило в частности состав дополнительной литературы, которая рекомендовалась мне по отдельным разделам исторической литературы, и это сказалось на общем уровне и сравнительной равномерности фактических знаний по истории, накопленных мною. Укажу лишь некоторые примеры: по истории первобытного общества я прочел в третьем классе двухтомную работу Тейлора, по истории Греции — книги Белоха и Аландского, по средним векам я начал с книги для чтения под редакцией П. Виноградова, затем читал монографии Карелина и Шахова, по новой истории — тома из многотомной истории Западной Европы Н. Кареева, Тэна и Олара по Французской буржуазной революции. Помню также, что в шестом классе я получил подписку на журнал «Голос минувшего», где была напечатана работа В. Семевского о петрашевцах, а в приложении выдавалась «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева в издании «Общественной пользы», которая сохраняется у меня до сих пор. О чтении В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, ряда работ

по истории общественного движения и другой монографической литературе не приходится говорить.

Добавлю, что в гимназии я получил хорошее знание латинского языка (преподавание греческого было уже отменено) и впоследствии в университете свободно читал Цезаря и Цицерона, Ливия и Тацита, а позднее и «кухонную» латынь средневековых авторов. Дома же я изучил три иностранных языка (французский, немецкий и английский) и дополнял общую подготовку чтением художественной и исторической литературы на этих языках.

Таков был, примерно, тот запас знаний и рабочих навыков, с которыми я пришел в высшую школу. Поступая в Новороссийский университет осенью 1916 г., я, как можно понять из предыдущего, выбрал историко-филологический факультет. По желанию отца я записался также вольнослушателем на юридический для одновременного прохождения обоих: в условиях царской России, для меня, как еврея, исторический факультет не представлял реальных перспектив. Моим внутренним интересам отвечало изучение таких дисциплин, как история русского права, политическая экономия, история народного хозяйства и некоторые специальные предметы. Особенно это относилось к русской истории.

Состав профессоров-преподавателей был неровный, скорее слабый. Яркий пример тому — основной профессор по кафедре русской истории Е. П. Трифилев, защитивший докторскую диссертацию о крестьянском движении 1796—1797 гг., которая подверглась уничтожающей критике в печати со стороны Н. П. Павлова-Сильванского с выразительным эпиграфом «ошибка ошибке рознь». На факультете Е. П. Трифилев читал общий курс так называемой «новой русской истории», т. е. XVIII и XIX вв., а раз в два года — специальный курс русской историографии. Я пошел на него с самого начала. С двух курсов нас собралось человек до десяти. Помню мое удивление, когда на кафедру вышел солидный мужчина, лет под пятьдесят, с окладистой бородой и, положив перед собой тетрадку, начал нам диктовать (в буквальном смысле слова) медленно, и без всякого выражения элементарный конспект. Выяснилось, что он уже ряд лет диктует этот свой примитивный конспект, по которому студенты и сдают экзамен. Я ушел с этой «лекции» после первого часа и больше никогда не бывал на занятиях у Е. П. Трифилева.

Второй преподаватель, молодой доцент А. В. Флоровский занимался специально Уложенной комиссией 1767 г. и в том году находился в отпуске для защиты в Москве своей магистерской диссертации «Состав законодательной Комиссии 1767—1774 гг.», так что с ним я встретился уже позже. Он читал общий курс «древней русской истории» (до XVII в.) и спецкурсы (по Летописи, по исторической географии). Он обладал эрудицией и его курсы были куда серьезнее, но, как мне вспоминается, не выходили за рамки так сказать учебного материала, не будили нашей научной мысли. Мы, несколько студентов, попытались организовать с участием А. В. Флоровского научный кружок, но работа кружка не развернулась. Все же некоторый контакт со студентами-«русистами» у него установился, но, как мне сейчас представляется, в условиях, когда перед нами, студентами в то бурное время остро вставали общественные и методологические вопросы, он, может быть, не менее получал от нас, чем мы от него. У Флоровского определенно возрастал интерес к социальной проблематике, и в конце 1921 г. вышел его небольшой специальный очерк о реформе 1861 г. на Украине («Воля панская и воля мужицкая»).

Для меня в эти годы большее значение имели занятия по «всеобщей истории». Если в теоретическом и методологическом плане многое здесь не удовлетворяло, то представители кафедры имели определенное научное лицо, исследовательскую направленность и тем самым будили научную мысль. Таковы были П. М. Бицилли — преподаватель истории средних веков, В. Э. Крусман — по новой истории, после Февральской рево-

люции возвращенный в университет Е. Н. Щепкин. Лекционные курсы Бицилли и Крусмана были посвящены в основном историко-культурной тематике, у Бицилли — тематике, осложненной идеологической, мировоззренческой направленностью, с уклоном в религиозно-мистическую тематику средневековья. Определенное влияние оказал на меня их лекционный стиль: лекции были чужды внешних эффектов, декламационной красоты. В манере чтения чувствовалось, что лекция оформляется в аудитории, в поисках непосредственного общения со слушателем, что ты как бы присутствуешь в их научной лаборатории и непосредственно воспринимаешь процесс их научного мышления. Такой стиль будил собственную мысль, и мне всегда было легче слушать и воспринимать именно такую лекцию с ее стилистическими шероховатостями и паузами. Думается, что здесь сложился и мой стиль лекций: без написанных текстов, в крайнем случае с краткой тематической программой, оформляющихся в процессе чтения, хотя, конечно, масштабы наших аудиторий были уже совсем другие и такое чтение было труднее.

К этому надо добавить, что и Бицилли и Крусман не читали «общих курсов» в собственном смысле слова, а читали под видом общих — специальные курсы (напр., В. Крусман в качестве общего курса прочел историю инквизиции), приучая нас тем самым к настоящей исследовательской работе с привлечением научных монографий и публикаций источников. В конце года требовалась сдача прослушанного лекционного курса, а собственно «общий курс» сдавался на государственном экзамене.

Лично для меня большое значение имел организованный П. М. Бицилли семинар, посвященный монастырскому хозяйству и крестьянству раннего средневековья на материале «Полиптиха» аббата Ирминона — описи вотчинного хозяйства. В этом семинаре занималось 4—5 человек, включая специалистов-медиевистов второго курса (в их числе будущий профессор по кафедре средних веков О. Л. Вайнштейн). Благодаря моим хорошим познаниям в области латинского языка в течение всего года я обычно последовательно читал и переводил текст памятника, и мы совместно давали анализ его хозяйственного и социального содержания. Иногда материал по семинару я подготовлял заранее. При этом работа над источником сопровождалась систематическим изучением основной монографической литературы по раннему феодализму. Именно в этот период мною была изучена классическая литература вопроса: работы Фюстель де Куланжа и Флакка, П. Виноградова, Д. Петрушевского, Мейтленда и позднее Иннама-Штернега. Это развернутое изучение раннего феодализма легло потом в основу моих занятий по русскому феодализму периода Киевской Руси. К последним меня подготовила, в частности, критика романской теории Фюстель де Куланжа, усматривавшего феодализм непосредственно в эволюции рабовладельческого строя Римской империи, в организации римского поместья-«виллы» и в колонате.

Меня решительно привлекала позиция «германистов» в лице Флакка, искавшего корни феодальных отношений Франции и Германии в первобытно-общинном строе древних германцев, изучавшего истоки ранней крестьянской общины и зарождение города, влияние дружинных отношений на формирование феодалов-землевладельцев и политического строя раннего феодализма. Я увидел здесь много созвучного развитию феодализма в Киевской Руси. Такая позиция соответствовала и марксистскому пониманию непосредственного перехода народов средней Европейской полосы от первобытно-общинного строя к феодализму. Хотя флакковское противопоставление эпохи сеньериализма и вассалитета встретило затем решительные возражения в западноевропейской медиевистике, мне кажется, что в нем есть доля истины, если освободить его от крайностей и известной упрощенности, свойственной

юридическому мышлению Флакка: система вассальной иерархии, безусловно, оформилась уже на более позднем этапе. Отсюда, очевидно и определенные терминологические особенности моих ранних выступлений по истории Киевской Руси, пользование для ранней феодальной эпохи термином «сеньериализация» (как первая стадия феодальной эпохи, в чем сказано, может быть, и известное влияние работ Н. П. Павлова-Сильванского с его противопоставлением общины и сеньерии. Таково было непосредственное влияние на меня занятий у П. М. Бицилли.

Вторым историком, оказавшим на меня заметное влияние в мои студенческие годы, был Е. Н. Щепкин — профессор с широким научным кругозором, объединявший изучение средних веков и нового времени, западноевропейской истории и истории России (особенно в их соприкосновении в области внешнеполитической истории). В вопросах методологии истории он в период 1905—1907 гг. стоял на крайне идеалистических, субъективных позициях. Е. Н. Щепкин быстро откликнулся на новую научную проблематику (например, вопросы панвавилонизма и исследования Ф. Делича). В то же время ему присущи были общественно-политические интересы: член I Государственной думы от кадетской партии, он подписал в числе других Выборгское воззвание и был отстранен от университетского преподавания; выступал с отдельными публичными лекциями. После Февральской революции он вернулся к преподаванию в Новороссийском университете, в своих политических взглядах быстро эволюционировал влево, принимал активное участие в строительстве новой школы и умер в 1921 г. членом Коммунистической партии.

С 1918—1919 г. я стал активно работать под его руководством, в частности в специальном семинаре по истории революционной Франции XVIII в.: мы занялись чтением наказов в Учредительное собрание, причем подлинник одного из крестьянских наказов был размножен на гектографе, роздан всем студентам и на занятиях читался и комментировался. Затем были розданы специальные темы, и я писал работу об общинных угодьях и законодательстве Французской революции. Здесь я получил возможность изучить ряд общих монографий по Французской революции 1789 г. (Олара, Токвиля, Сореля), работы об Учредительном собрании (Ону и др.) и, наконец, исследования о позднем феодализме и французском крестьянстве XVIII в. Так обозначилась и вторая тема моих последующих интересов — поздний феодализм и генезис капитализма. Лекции Е. Н. Щепкина были очень содержательны, но сильно перегружены фактами. Следует выделить прочитанный им последний общий курс по феодализму. Он уже явно сдавал физически, был перегружен общественно-политической работой и, видно, поэтому не успевал «готовиться» к лекциям, т. е. подбирать издавна накопленный, обширный фактический материал. Но в результате лекции освободились от мельчивших их деталей, получили законченную обобщенность, яркость и выпуклость.

Я не останавливаюсь на других профессорах, среди которых были такие крупные специалисты как Н. Н. Ланге (философия и психология), А. И. Томсон (языковедение), Солнцев (политическая экономия и статистика). Все они не шли в своих курсах дальше либерализма в политической идеологии и позитивизма в философии. Большинство же профессоров историко-филологического и юридического факультетов проводили открыто идеалистические воззрения или ограничивались формальной фактологией.

На ходе занятий резко сказывались политические события: Украина и Причерноморские земли переживали частые смены властей, подвергались то немецкой, то французской оккупации, захватам со стороны Украинской Центральной Рады, Петлюры или белогвардейцев. что сопровождалось длительными перерывами в занятиях.

После изгнания белогвардейцев и интервентов и окончательного утверждения Советской власти на Украине в 1920 г. была проведена реорганизация высшей школы. Университеты были упразднены и заменены институтами народного образования. Старшие товарищи по представлению руководителей были оставлены при университете для подготовки к профессорскому званию без сдачи государственных экзаменов. Я также был представлен к оставлению Е. Н. Щепкиным, но, поскольку я числился еще на третьем курсе, мне в этом было отказано.

Впрочем я об этом, помнится, не жалел, так как к этому времени у меня созрело твердое решение относительно специализации по русской истории. Перед лицом великого переворота, переживавшегося страной, я хотел посвятить себя изучению истории моей Родины. Одновременно мне было разрешено завершать мое образование по старой университетской программе с получением соответствующего диплома.

К тому времени значительно изменился и состав преподавателей высшей школы в Одессе. Эмигрировали А. В. Флоровский и П. М. Бидцilli. В. Крусман выехал в Харьков на розыски своей библиотеки, а оттуда, не желая подвергнуться украинизации, направился на работу в Пермь, но по дороге заболел брюшным тифом и умер. В начале 1921 г. умер 63-летний Е. Н. Щепкин. Основным историческим предметом на историческом факультете стала история Украины, которую с 1920 г. преподавал М. Е. Слабченко. Ученик видного профессора И. А. Линниченко, в свое время автор интересной монографии «Малорусский полк», он в условиях царского режима не был допущен к работе в университете в силу причастности к украинскому буржуазно-националистическому движению. При сложившемся составе кадров он был, безусловно, одним из самых одаренных и в ряде отношений квалифицированных преподавателей, если бы не склонность к демагогии и националистической тенденциозности в освещении исторических вопросов. В состав его курса истории Украины входили те разделы общерусской истории, которые относились к позднейшей территории Украины.

В начале 1922 г. я защитил на его кафедре свою дипломную работу на тему «Западные торговые пути Украины — Руси», которая в 1924 г. была опубликована в книге № 2—3 «Вестника» Одесской комиссии краеведения, членом которой я в то время состоял. В основу этой работы легло систематическое изучение источников истории Киевской Руси, которое я организовал самостоятельно, применительно к обычным аспирантским программам. У меня долгое время сохранялись систематические карточки с постатейным анализом «Русской Правды», включавшим конспект комментариев основных исследователей (Владимирского-Буданова, Мрочека-Дроздовского, Калачева, Дьяконова, Сергеевича, Goetz'a, Преснякова и др.). Я тщательно использовал все указания древней русской летописи — «Повести временных лет» и, конечно, все историко-географические материалы о торговых путях Древней Руси. Здесь мне потребовались материалы западных источников, в частности пристальное изучение Раффельштетенского мытного устава и первые свидетельства о появлении Руси в бассейне Дуная, привлечение польской литературы, в частности исследования Шелянговского¹, некоторые материалы византийских хроник и договоры с греками X в., особенно сведения арабских географов и путешественников, которые, как Ибн-Якуб, в своих поездках на Запад — в центральную и южную Европу — проникали и на территорию юго-западной Руси. Так мною были изучены самые тексты арабских географов, опубликованные на русском языке Гаркави, работы Хвольсона, Марквардта, Вестберга и др. Интересуюсь непосредственно выяснением торговых путей Киевской Руси и их последовательного освоения, я уже в этой работе ста-

¹ «Naistarszi drogi z Polski na wschod».

вил перед собой вторую задачу, занимавшую меня на протяжении всего периода 1920-х годов, а в известной мере и дальше: освоение торговых путей означало развитие торговых связей Киевской Руси, т. е. выдвигало вопрос о характере и природе древнерусской торговли. Я ставил себе целью показать, что развитие этих торговых связей, как и самой торговли, равно и города как торгового центра — результат сравнительно длительного исторического развития Киевской Руси, но не вышедшего из формирования феодальных отношений. Вопреки возможному впечатлению от названия моей работы для меня ее принципиальное значение состояло как раз в критике учения В. О. Ключевского о торговом характере Киевской Руси и раннего русского города.

Защита дипломной работы и окончание института не создали мне условий для организации научной работы на новой основе. Сказалось изменение структуры высших учебных заведений на Украине, предельное свертывание истории России (в институте по истории России оставался один доцент — Е. А. Загоровский, человек начитанный, но лишенный какой бы то ни было творческой научной мысли и не умевший организовать около себя какую-либо научную работу). Вся научная работа была сосредоточена на истории Украины. Ее возглавлял М. Е. Слабченко, обладавший несомненными способностями и развернувший большую научную деятельность в области изучения истории народного хозяйства Украины, в основном XV—XVII вв. С образованием Украинской Академии наук в Киеве он был избран в ее состав. Но большая работоспособность, знание источников и литературы, в основном украинской, сочетались у него с недостатком собственно научной школы. В дальнейшем выяснилась еще одна сторона вопроса; он стоял на позициях контрреволюционного украинского национализма (СВУ), что определяло подбор кадров на его кафедре. Возможность получить работу в высшей школе для меня отпадала.

Короткое время я проработал в одесском областном краевом архиве, куда меня привлекало наличие большого фонда А. А. Скальковского по истории местного края. Из этой работы я извлек кое-какие интересные материалы, в частности ценные документы об отражении истории польского восстания 1830—1831 гг. в юго-западных губерниях, рисующие переплетение национально-политической борьбы польской шляхты с царизмом и классовый борьбы украинского крестьянства с помещиками (преимущественно польскими) в юго-западных губерниях². Но штатов научных работников в архиве не было, и мне пришлось переключиться на службу по моей второй специальности — юридической. Разные работы по ней все же ничего не давали ни уму ни сердцу, поскольку основное направление моих интересов, как историка, уже вполне определилось. Из круга служебных работ мой интерес привлекал только специальный вопрос изучения экономической конъюнктуры области, по которой я составлял квартальные и годовые обзоры, хотя первоначально эти работы не входили в мои формальные обязанности. Их выполнение требовало широких деловых связей с хозяйственными и общественными организациями области, открывавших мне доступ к соответствующим источникам. В результате я даже подменил в известной мере в этой области губернское статистическое бюро, длительное время ограничивавшееся пересылкой в Москву составленных мною конъюнктурных обзоров. Эта работа была неплохой школой в плане моих последующих занятий по социально-экономической истории.

Все остававшееся в моем распоряжении время я использовал для организации научной работы по истории. Продолжая систематическую работу по источникам и старой литературе русской истории, я тщательно

² Статья на эту тему была опубликована мною в журнале «Каторга и ссылка», 1926, № 1 (9).

но следил за вновь выходящими работами. Их в те годы выпускалось еще сравнительно много старыми учеными, а также формирующимися молодыми кадрами.

Возможности архивной работы в Одессе в те годы были очень ограничены, но зато университетская библиотека располагала обширными книжными фондами, в том числе редкими старинными изданиями, собранными в частных библиотечных коллекциях XVIII и первой половины XIX в. Одним из ценнейших в составе библиотеки Новороссийского университета было собрание графов Воронцовых, включавшее, в частности, обширную иностранную (особенно французскую) литературу того времени. В те годы фонды этой библиотеки использовали по своей тематике нынешний академик М. П. Алексеев, проф. О. Л. Вайнштейн. Для истории России XVIII в. пользовался ею и я. Получение доступа в хранилище библиотеки и возможность просмотра и отбора литературы на полках «de visu» облегчало выявление и использование огромных богатств иностранной и русской литературы того периода (специальные интересы видного представителя семьи Воронцовых Александра Романовича, многолетнего руководителя Коммерц-Коллегии, в значительной степени определяли содержание собрания).

Наступавший столетний юбилей восстания декабристов явился непосредственным толчком к первому подведению итогов этой работы. Несмотря на создавшуюся отъединенность от большого коллектива советских специалистов по русской истории, я написал в начале года популярный общий очерк по истории движения декабристов и специальную исследовательскую статью на тему «Экономическое развитие России в первой четверти XIX в. как основа движения декабристов». В последней работе, опираясь на довольно широкий круг печатных источников («Историческое описание Российской коммерции» М. Чулкова, работу Шторха «Тр. Вольного экономического общества», губернские описания, публиковавшиеся в журнале Министерства внутренних дел, материалы ПСЗ и отдельные статистические издания), а также на исследовательские работы по истории народного хозяйства и общественной мысли, я сформулировал мысль о развитии капитализма в России со второй половины XVIII в., противопоставляя распространенному утверждению о «сельском характере русского города XVIII в. и даже начала XIX в.» «городской, собственно говоря промышленный, тип великорусского села», приближаясь уже по сути дела к той концепции формирования капиталистического уклада, которой были посвящены мои позднейшие работы. Соответственно основу «дворянской революционности» я искал не во влиянии западноевропейской передовой идеологии, как это делала буржуазная литература, и не в интересах помещичьего крепостного хозяйства (согласно определению М. Н. Покровского, «крепостное хозяйство — ворота в капитализм»), или концепции дворянской революции Н. А. Рожкова, а в развитии собственно буржуазного, капиталистического хозяйства, определившего буржуазную по содержанию идеологию декабристов.

Общий очерк движения декабристов я рассчитывал направить в местное издательство, поскольку никаких связей в центре у меня в то время не было, но из этого ничего не вышло. Свою статью я переправил в Москву через одного из товарищей, пережавшего туда на работу, и вскоре получил извещение, что она принята к изданию в журнале «Каторга и ссылка», где открывает (в соответствии со своей тематикой) юбилейную книгу журнала³. Возможно, что редакцию привлекало в какой-то мере то обстоятельство, что, находясь вне местных направлений, я в своей статье попутно выступил с критикой некоторых положений М. Н. Покровского, не подозревая сам о внутренних противо-

³ «Каторга и ссылка», 100-летие восстания декабристов, № 8, М., 1925, стр. 9—24.

речиях между ним и кружком бывших народовольцев, группировавшихся в обществе политкаторжан. Эта статья в дальнейшем привлекла к себе внимание, в частности молодых советских историков, стала предметом дискуссий в их среде и нашла поддержку со стороны ряда товарищей (как С. Г. Томсинский и др.). Об этом говорит и приглашение меня участвовать в «Семинарии по декабризму», составлявшемся М. В. Нечкиной и С. В. Сказкиным и изданном в 1925 г., для разработки основной социально-экономической тематики, построенной в соответствии с общими установками упомянутой статьи.

Одновременно с развертыванием этой новой тематики и подведением определенных итогов изучения старых печатных источников и литературы мне становилась ясной необходимость установления научных контактов и расширения документальной базы моих научных занятий.

Поэтому зимой 1925/26 г. я взял служебный отпуск за 2 года, дополнил его 2 неделями за свой счет и выехал в Москву и Ленинград. Здесь мне действительно удалось установить довольно широкие научные контакты. Я сделал доклад в «декабристской секции» Общества политкаторжан, где у меня состоялись оживленные беседы с Н. М. Дружининым, Б. Е. Сыроечковским и были заложены основания последующим личным и научным дружественным связям. В то же время запомнились встречи с В. Н. Фигнер. Старые народовольцы — О. Аптекман, А. П. Прибылева-Корба, А. Якимова, М. Ю. Ашенбраннер, В. Н. Фигнер — проявляли активный интерес к научно-историческим занятиям общества. К тому же времени относится знакомство с М. К. Любавским, который работал в это время над своей монографией «Образование основной государственной территории великорусской народности» и проявил интерес к моей статье о «Западных торговых путях Украинской Руси», в то время как меня занимали социальные отношения Киевской Руси и соответствующее исследование «Русской Правды» и «Повести временных лет». С М. К. Любавским я встретился в ЦГАДА, которым он тогда заведовал, а затем, по его приглашению, принял участие в заседаниях РАНИИОН, где М. М. Богословский докладывал главу из своей работы о Петре I. Тогда же установились у меня дружеские отношения с Ю. В. Готье и надолго запомнилось его обаятельное и исключительно приветливое отношение к людям, к младшим товарищам по научной работе.

Еще более интенсивным и плодотворным было мое пребывание в Ленинграде. Благодаря интересу к истории Киевской Руси и русского феодализма для меня особое значение имели встречи с А. Е. Пресняковым, посвященные толкованию текстов «Русской Правды». Меня поразили активный и исключительно живой характер его беседы, заостренность дискуссии, которая велась все время с текстами в руках. Одновременно у меня установился оживленный контакт с кафедрой русской истории Ленинградского университета, и в то же время была заложена основа систематической работы в Центральном историческом архиве в Ленинграде.

В последующие годы я повторял такие выезды в Москву и Ленинград более или менее регулярно, так что сейчас мне несколько трудно установить более точную хронологию отдельных занятий и встреч в рамках 1920-х годов. Но, если память мне не изменяет, то именно к 1925/26 г. или к 1926/27 г. относится начало широкого изучения мною фондов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде. При этом большое значение имели проделанная уже исследовательская работа по истории социально-экономического развития России XVIII и первой половины XIX в. и подведение первых научных итогов, определившие направление дальнейших поисков и собирания материалов. Я и позже в собственной работе и в руководстве научной работой молодых историков всегда придерживался того взгляда, что

теоретическое изучение вопроса и разработка конкретного фактического материала должны идти рука об руку: не может быть плодотворного накопления фактических данных без предварительного выяснения для себя основных теоретических посылок, без последовательного параллельного анализа и научной систематизации уже собранных данных.

Ознакомление с составом основных фондов экономического раздела определило направление моей работы: я провел некоторую разведку по материалам Комиссии о коммерции и Коммерц-коллегии⁴, но основное внимание сосредоточил на делах Мануфактур-коллегии, где опись показала наличие систематических материалов о составе мануфактур на середину и конец XVIII в.— за 1761—1763 и 1797 с прилегающими годами. При наличии ведомостей за промежуточные годы в «Описании» М. Чулкова (т. VI, ч. 3), ведомости за 1803 г. в Полном собрании законов и опубликованного полного перечня мануфактур 1814 г. можно было получить довольно обстоятельную картину численного состава русской промышленности за интересовавший меня период. При ограниченном сроке, которым я располагал, большое значение имело исключительно внимательное и предупредительное отношение ко мне руководства архивом, заведующего экономическим архивом Б. А. Романова, с которым я в то время не был знаком и лишь много позднее нас связали отношения настоящей дружбы.

Дела фонда Мануфактур-коллегии отличались большим богатством материала, они включали ведомости, подававшиеся владельцами мануфактур в Мануфактур-коллегию, с обозначением имени владельцев мануфактур, построек и вложенного капитала, оборудования (соответственно числа станов для текстильной, чанов — для кожевенной промышленности и т. д.), числа рабочих людей, продукции в количественном и денежном выражении за каждый год в отдельности, наконец, условий сбыта («внутри России» или «к портам»). При указанном обилии данных, однотипности системы изложения и «территориальном» размещении, определенный анкетный характер документа значительно облегчал его обработку, которая после 1—2 дней работы приняла почти механический характер. Ведомости были систематизированы по отраслям промышленности, по месту нахождения и по годам. Несколько сложнее были сгруппированы материалы обследования мануфактур инспекторами Мануфактур-коллегии.

В результате мне удалось составить полные выписки по основным отраслям промышленности, заполнившие три объемистых тетради и остававшиеся в последующие годы неоцененным источником для моих занятий, а также для занятий моих учеников, которые из этих тетрадей черпали первые сведения по соответствующим темам. На них основаны, в частности, с некоторыми дополнениями из других источников, конкретные данные в моей статье «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в.»⁵. Одновременно со мной этими материалами занимался П. Г. Любомиров, приехавший в Ленинград из Саратова; на их основе им были затем написаны «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв. 1. Организационная структура промышленных предприятий»⁶. По его просьбе я тогда же принял участие в обсуждении его первого доклада. Мне самому так и не удалось реализовать в то время эти материалы, так как для их обработки требовалось привлечение других дополнитель-

⁴ Отсюда, в частности, я извлек ценное дело о русских ярмарках XVIII в., собрал по XVIII в. некоторые материалы о работе Купеческого банка и попытался извлечь материалы Ленинградской портовой таможни, но последние оказались в катастрофическом состоянии, превращенные в россыпь разрозненных бумажек. Материал о ярмарках был позднее несколько дополнен и использован мною в статье «Русская ярмарка XVIII в.» («УЗ кафедры истории СССР МОПИ», М., 1938 г.).

⁵ «Вопросы истории», 1952, № 2.

⁶ Изд. «Прибой», 1930.

ных фондов, а общие условия моей работы не позволили мне уделить этой теме достаточное время.

Одновременно тематическая направленность моих интересов привела меня еще к одному источнику научного исследования — к музейному вещественному памятнику. М. Д. Приселков, крупный специалист по истории Киевской Руси и русскому летописанию, в то время возглавлял специальный Музей народного быта (при Русском музее) с филиалами по купеческому и крестьянскому быту, собравший ценнейшие вещественные материалы по XVIII в., в частности по крестьянам и крестьянской промышленности с. Иваново Владимирской губернии. Его ближайшими сотрудниками были А. А. Степанов и Н. А. Насонов. Молодой интересный исследователь Степанов познакомил меня с фондами музея, с его изданиями и результатами собственных научных исследований о деятельности крестьянина-фабриканта Еф. Грачева.

Указанная направленность моих научных интересов и общая трактовка поставленных вопросов получили подкрепление в наладившемся научном обмене. Как я уже упоминал, со встречи в Ленинградском архиве наладилась постоянная переписка, а затем и личная дружба с П. Г. Любомировым. В Ленинградском университете работали по аналогичной тематике С. В. Вознесенский, выпустивший в 1932 г. свои очерки «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг.», В. Н. Кашин, занятый в основном расслоением крестьянства в первой половине XIX в., А. Н. Шебунин, занимавшийся экономикой конца XVIII — начала XIX в. и экономическими взглядами декабриста Н. И. Тургенева.

Началом важного этапа в налаживании контактов с научными коллективами Москвы и Ленинграда явилось для меня вступление в Москве в Общество историков-марксистов и последующее участие в Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г.— 4 января 1929 г.) с выступлением по обсуждению ряда докладов⁷. На конференции я впервые слышал М. Н. Покровского, его два теоретических доклада, отличавшихся глубиной научной мысли и яркостью стиля, свободное от погони за внешними эффектами, и убедительно подводящих к выводам автора. Они произвели на меня большое впечатление. В то время активной борьбы за преодоление буржуазной методологии я был убежденным поклонником научной деятельности М. Н. Покровского и в 1928 г. выступал с докладом в Одесском Доме ученых по случаю его 60-летия. Тогда я не подвергал его концепцию конкретному и систематическому критическому анализу, а иногда вкладывал в нее свое содержание. Так, как видно из моих статей того времени, его учение о торговом капитализме в России, заимствованное у Богданова и легальных марксистов, истолковывалось мною в плане марксистского учения об исторической роли торгового капитала и соединялось с последующими противоречиями развития капитализма в России, с крепостнической системой хозяйства и феодальной природой последнего.

Одновременно с продолжающимся накоплением новых материалов и выяснением в процессе широкого общения основных принципиальных вопросов я продолжал разработку той же тематики. Так, продолжением изучения социально-экономической тематики, в основном социально-экономических воззрений декабристов, была статья «Селянске питання на Україні в першій половині XIX ст.»⁸.

Выход в свет первого издания книги П. И. Лященко «История русского народного хозяйства» (в одном томе, М.—Л., 1927) вызвал с

⁷ См. «Труды 1 Всесоюзной конференции историков-марксистов», М., 1936.

⁸ «Прапор марксизму», 1929, № 2.

моей стороны развернутый критический обзор⁹. В нем показывалось что автор для Киевской Руси фактически оставался на позиции схемы торговой, городской Руси В. О. Ключевского, которую по-своему повторяли В. В. Святловский под термином «примитивно-торговое государство»¹⁰ и С. В. Юшков под флагом признания феодального строя Киевской Руси¹¹. Феодальную эпоху вслед за Н. П. Павловым-Сильванским П. И. Лященко связывал с XII—XVI в., а дальнейшее развитие после XVI в. определял переходом к торговому капитализму, затем к промышленному (с середины XIX в.) и, наконец, к финансовому, примыкая тем самым в этом вопросе к позиции легальных марксистов и к ранней периодизации М. Н. Покровского.

Формальному периодизационному делению П. И. Лященко с преобладанием формально-экономических категорий я противопоставлял процесс внутреннего социально-экономического развития, останавливаясь с особым вниманием на развитии феодализма в Киевской Руси и на его разложении и складывании капиталистических отношений, особенно в XVIII—XIX вв.

Одновременно я вернулся к дальнейшей разработке вопросов истории Киевской Руси, процесса развития феодальных отношений. Специальная статья была посвящена анализу двух основных социальных категорий этого периода — смерда и закупа — с привлечением наряду с «Русской Правдой» материалов «Повести временных лет», а в 1930 г. вышел мой общий «Очерк истории Киевской Руси». Очерк был выпущен отдельной книжкой на украинском языке. Последнее значительно затруднило его распространение и ознакомление с ним русского читателя. Внешний толчок к его составлению дал проект издательства «Прометей», выпустив серию научно-популярных очерков-брошюр по разным периодам русской истории в форме вопросов и ответов, но из этого проекта ничего не получилось. Внутренним толчком к его написанию послужило мое несогласие с теми взглядами, которые нашли отражение в работах С. В. Юшкова о развитии феодальных отношений. Очерк имел целью показать историю Киевской Руси как процесс последовательного развития феодализма и как общее начало всей древнерусской истории.

Так в начале моей научной деятельности определилась конкретная направленность моей дальнейшей исследовательской работы — изучение русской истории феодального периода. При этом особо обозначился начальный период — история Киевской Руси и последний поворотный этап — начало разложения феодального строя и генезис капиталистических отношений, то, что мы потом стали обозначать понятием капиталистического уклада (от середины XVIII в. до падения крепостного права). Меня в это время привлекал еще третий, промежуточный исторический момент — первый, не реализовавшийся кризис феодальной системы в XVI в., но серьезно развернуть эту последнюю тему мне так и не удалось.

* * *

В конце 1931 г. я получил возможность переехать в Москву, освободившись, наконец, от статистико-экономической работы, и окончательно перейти к занятиям историей. С конца 1931 г. я стал старшим научным сотрудником и руководителем исторической группы в Институте иностранной библиографии, в 1933 г. перешел в историческую редакцию Соцэкгиза, а с начала марта 1934 г. был приглашен доцентом

⁹ «До історії російського народного господарства». «Прапор марксизму», 1928, стр. 64—87.

¹⁰ В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914.

¹¹ «УЗ Саратовск. гос. ун-та», т. III, вып. 4, Саратов, 1925.

на кафедру истории СССР Московского областного педагогического института, заведующим которой стал со следующего года, продолжая одновременно работать в издательстве. С 1934 г. я включился также в работу кафедры восстановленного исторического факультета Московского государственного университета, а в 1935 г. — в работу кафедры истории СССР Московских областных курсов марксизма-ленинизма; в дальнейшем несколько предвоенных лет моя работа сосредотачивалась на кафедре истории СССР МИФЛИ.

Новые условия работы обеспечили более прочную и систематическую связь с научным коллективом историков и в то же время придали широту и систематичность моим научным историческим занятиям. В то же время передо мной, как и перед всеми советскими историками, вставали задачи тщательного пересмотра и систематизации всего исторического материала и отработки его в деталях. Большое значение имело при этом завершение издания собрания сочинений В. И. Ленина и продолжение публикации сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Ряд вопросов марксистской исторической науки и их применение к разработке русского исторического процесса стали предметом научных работ и временами дискуссий среди историков. Разработка собственного лекционного курса при отсутствии специальных учебников представляла особые трудности. Именно в процессе этой работы явился необходимость систематического пересмотра схемы М. Н. Покровского, которой не хватало диалектического подхода к историческому процессу. Уже в 1934—1935 гг. мне приходилось в ряде случаев давать студентам характеристику рассматриваемых исторических явлений, расходящуюся с точкой зрения М. Н. Покровского, всякий раз обосновывая сущность этих расхождений.

В то же время у советских историков в университете и в открывшемся Институте истории Академии наук прошел ряд специальных дискуссий по отдельным узловым вопросам истории. Помнится, одной из первых была дискуссия о феодальном и рабовладельческом строе в Киевской Руси. Большинство историков во главе с Б. Д. Грековым доказывали, что Киевская Русь, подобно другим странам Центральной европейской полосы, непосредственно перешла от первобытнообщинного к феодальному строю, минуя рабовладельческую формацию. Наличие рабовладельческой формации в Древней Руси отстаивал А. В. Шестаков с некоторыми сотрудниками своей кафедры и П. П. Смирнов; промежуточной, компромиссной позиции держался К. В. Базилевич.

Был поставлен вопрос о вторичном закреплении в России, и доклад на эту тему руководство Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК) поручило мне зимой 1934 или 1935 г. По докладу развернулись оживленные прения. Лично мне представлялось, что начавшийся в России в XVI в. кризис феодальной системы (я считал и считаю, что известные признаки его имели место) остался частичным и незавершенным и что соответственно ее укрепление не имело законченных черт «вторичного закреплении». С этим было связано и мое последующее понимание формационных черт XVII в. и выступление против попыток отдельных товарищей искать уже в промышленности XVII в. «первых ласточек капитализма».

Ближе к концу 1930-х годов в Институте истории по инициативе М. В. Нечкиной возникла еще одна дискуссия: о причинах отсталости России в прошлом, оставшаяся, впрочем, незавершенной. Мне представляется, что в довольно распространенной постановке этого вопроса недостаточно учитывается относительность и условность самого понимания этого положения для разных периодов и для разных аспектов исторического процесса, требующих определенной осторожности в пользовании такого рода абсолютными характеристиками.

Таковы некоторые более общие и принципиальные примеры направленности научной работы тех лет. Эта коллективная работа помогла уяснению и конкретизации основных вопросов исторической науки, подводила к новому, обобщенному пониманию исторического процесса.

В 1935 г. редакция истории СССР БСЭ поручила мне специальную статью на тему «Феодализм в России». Такая задача позволяла обобщить понимание всего исторического процесса с IX—X и до середины XIX в., а тематическая постановка освобождала от необходимости загружать изложением деталями политической истории. Отсюда же вытекала и определенная историографичность трактовки вопроса с выявлением и обсуждением обозначившихся в литературе (дореволюционной и советской) расхождений по отдельным проблемам. Наконец, рассмотрение велось в широком сравнительно-историческом плане. Редакция БСЭ заинтересовалась статьей; она была принята и доведена до верстки (размер — несколько печатных листов) в 1936 г. Изменения в редакции БСЭ в связи с арестом С. А. Пионтковского и его сотрудника Ф. Рындича привели к отказу вообще от включения статьи на такую тему обобщающего, концепционного характера. Хотя статья представляла собой итог длительной серьезной работы, однако о напечатании ее особо я также не думал: она имела «словарный» характер и для самостоятельного издания потребовала бы значительного расширения. Впоследствии она частично была мною использована в общей статье по истории СССР в дополнительном томе к I изданию БСЭ, вышедшем к 30-летию Великой Октябрьской революции, где я писал раздел феодализма. Но иная целевая направленность потребовала включения развернутых данных политической истории с одновременным сокращением специальных теоретических и историографических моментов и значительного изменения состава материала.

В конце 30-х годов коллектив историков приступил к составлению учебников по истории СССР для исторических факультетов. В коллективе по истории СССР эпохи феодализма (точнее, до конца XVIII в.), возглавленном Б. Д. Грековым, мне был поручен раздел XVII в.; в то же время я был издательским редактором.

Но пока шла таким образом разработка основных вопросов конкретной истории СССР, передо мной встала вторая исследовательская проблема — проблема русской историографии.

Вопросы теории исторической науки и историографии занимали меня с давних пор. Но для обращения к этой тематике требовалось накопление знаний в области общей истории и историографии. Серьезное конкретно-историческое изучение всегда включает его историографическое осмысление. Но на данном этапе историографическая проблематика приобретала самодовлеющее значение. Пересмотр исторической схемы М. Н. Покровского требовал одновременного пересмотра историографических оценок, отказа от сугубо нигилистической оценки прошлого, перехода в этом отношении к более реалистической, диалектической оценке накопленного исследователями опыта и достижений научной мысли. Заостренная и по сути нигилистическая критика была уместна в период идеологической борьбы молодой марксистской науки с буржуазно-дворянским наследством. Переход развернутым фронтом к построению советской исторической науки, требовал дифференцированного подхода к ее общему пересмотру и осмыслению ее итогов. К этому надо добавить, что историографическое изучение значительно отстало и в буржуазной исторической литературе.

Обращение к наиболее значительным произведениям старой исторической литературы обозначилось у нас очень быстро. Уже в 1937 г. Соцэкиз переиздал «Курс русской истории» В. О. Ключевского, Так же, как и полное «упразднение» трудов Покровского, это стремитель-

ное превознесение «Курса» Ключевского было отражением в исторической науке культа личности Сталина, хотя по яркости изложения и тонкости отдельных наблюдений и литературных характеристик «Курс» безусловно принадлежал к наиболее блестящим произведениям старой литературы. Но, являясь его ответственным редактором, я сопроводил издание развернутой вводной статьей критико-историографического характера. Аналогичными моими статьями, может быть в несколько более смягченной форме, выход «Курса» был отмечен в «Правде» и в библиографическом журнале «Печать и революция»; в них подчеркивались буржуазно-идеалистическая природа методологии и общей концепции «Курса» в противовес зазвучавшим уже в печати апологетическим его характеристикам.

Одновременно стало в порядок дня переиздание важнейшего свода буржуазной исторической науки — «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьёва. А. И. Андреев составил проект переиздания «Истории России» В. Н. Татищева. Тогда же были изданы «Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова и готовилась к изданию главная монография Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси». Поднимался вопрос о разработке архивов А. Е. Преснякова и П. Г. Любомирова. Велись поиски личного архива В. О. Ключевского, поступившего много позже в архив Академии наук СССР и положенного в основу последнего издания его сочинений.

Именно перед лицом этих научных запросов стала предо мной тема первой крупной монографии — «Русская историография». Осенью 1936 г. я приступил впервые к чтению этого курса в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), позднее повторил его там же и в Московском государственном университете в 1938 и 1939 гг., продолжая параллельно его исследовательскую разработку. Чтение лекционного курса служило существенной проверкой и организационным началом в исследовательской работе над монографией. Монографическое рассмотрение комплексного процесса оформления научного исторического познания имеет свою специфическую тематическую направленность. Речь шла об историческом процессе, законченном в своей внутренней обусловленности. В отличие от курса, который может представлять систематический обзор, составленный в определенной хронологической последовательности, здесь речь идет о раскрытии закономерности общего поступательного движения научной мысли, по своему исходящего из первичной закономерности самого исторического развития. В этом смысле путь историографического развития получает свою объективную закономерность, раскрываясь в то же время в «субъективной» борьбе течений и противоречий как надстроечного идеологического слоя, также имеющего свою объективную основу в реальном столкновении общественных классовых противоречий. Познание историографического процесса как закономерного классового развития внутренних противоречий, перенесенных в рамки самой науки, отвечало новому направлению советской историографии, значительно усложнив задачи исследования, но давая в руки исследователя надежный ключ для их разрешения. Соответственно определилась и система взаимосвязей, через которые должна была раскрываться общая линия закономерности научного развития: «Задача русской историографии — дать историю развития русской истории в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретных исторических знаний»¹². В этом определении оставалось невыделенным специально еще одно звено — развитие всеобщей научно-исторической мысли, подразумевавшееся в понятии «общего развития общественной и научной мысли».

¹² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, 1941, стр. 13.

Практически исследование должно было начаться с выявления «историографического источника», аналогичного историческому источнику в конкретном историческом изучении. Но в отличие от исторического источника, который мы стремимся подвергнуть всеобъемлющему охвату, историографическое изучение требует, как правило, выборочно-го, представительного отбора. Историк берется как представитель направления или школы, объединяемой единством методологических принципов исследования и тематической общностью или общностью проблематики, отражающей его понимание органической сущности и внутренней структуры исторической действительности. Это значит, что представители одного направления не должны превратиться в исследовании в своеобразного коллективного автора; общность направления не снимает индивидуальности историка, она должна из нее вырастать. Отсюда и тот принцип «поголовья», о котором порой иронически высказывались отдельные исследователи, но который обязателен в каждом историографическом исследовании. Степень ограничения или пополнения этого «поголовья» зависит от конкретной задачи большей или меньшей полноты тематического охвата, от места данного направления в исследовании. Соответственно отбор источников пополняется отбором проблематики, причем наряду с ведущей проблематикой данного направления или школы, отражающей степень глубины и дифференцированности исторического познания, ей свойственного, направленности ее изучения, стоит и второй ряд более обобщенного тематического состава, основной проблематики, определяющей общее историографическое развитие науки в целом, общую структуру научного познания. На этом строится общность плана историографического исследования каждого историка — необходимая основа внутреннего единства систематического историографического исследования. Такова основная методологическая сущность историографического изучения.

Вторым методологическим комплексом служит периодизация историографического процесса, где исследователям необходимо учитывать сложность соотношения общей периодизации исторического развития с особенностями и отклонениями данного конкретного исторического ряда, в частности явлений идеологических, т. е. надстроечного порядка. Надо учитывать также, что борьба направлений и школ наряду с известным общим «знаменателем» в пределах каждого исторического периода имеет и свое «сквозное» развитие через периоды.

От этих методологических вопросов надо перейти к практическим задачам конкретного изучения. Изучение историка должно идти в двух параллельных плоскостях и планах. Одно направление обращено, согласно приведенному выше определению, на «историографический источник», т. е. на самые исторические произведения историка. Хотя и здесь известный отбор возможен, но, как правило, соответствующего историка желательно изучить с возможной полнотой. Что касается практических приемов обработки материала, то едва ли необходимо составлять полный конспект исторического сочинения, особенно в отношении более ранних периодов. Зато, идя по страницам текста, стоит воспроизводить довольно обильные цитаты, раскрывающие склад научной мысли историка и особенности его конкретного восприятия. Развернутый конспект я обычно заменял краткой формулировкой темы или проблематики с отсылкой к авторскому тексту; предварительное составление конспекта сделало бы выписки слишком громоздкими. Сделанные выписки по ведущим историкам достигают и так значительных объемов и, как показало чтение лекций, наличие таких выписок (в сочетании с кратким структурным планом лекции) вполне обеспечивало последнее так же, как позднейшее написание монографии.

Работа второго плана касалась предшествующего историографического изучения автора и его времени. Биографический материал органи-

чески переплетается с изучением работ историка, а историографические наблюдения предшествующих исследователей даже при коренном методологическом расхождении с автором всегда фиксировали какие-то существенные моменты конкретного порядка и сами приобретали значение историографического источника.

Указанная историографическая работа тесно переплеталась с задачами библиографического характера, составлением обширной библиографии историографий, систематическая разработка которой до этого времени отсутствовала и создание которой составляет и сейчас, конечно в новом составе, соответственно новым условиям, важную задачу¹³.

Синтетический характер поставленной задачи почти полностью исключал на данном этапе необходимость обращаться к соответствующим архивным фондам.

Особые сложности представляла периодизация историографического процесса в связи с вопросами хронологического приурочения конкретной историографической деятельности в биографическом плане, особенно с последовательно растущей потребностью более дробной периодизации историографии. Добавочную трудность для более поздних периодов представляла их полная неразработанность.

Выход в свет «Русской историографии»¹⁴ содействовал тому, что в вузах стали больше внимания уделять преподаванию этой дисциплины. Будучи первым опытом в этом направлении, книга имела ряд пробелов и существенных недостатков, о чем последовал ряд указаний в печати, главным образом после 1949 г. Особенно существенным недостатком представляется прежде всего принцип отбора, в основу которого был положен слишком формальный признак профессионализма, не учитывавший специфических условий царской России и принципиального значения общественной мысли и революционной борьбы для развития научной идеологии, особенно для такой общественной науки, как историческая. Это привело к особенно крупным пробелам в отношении более ранних периодов, где выпали ранняя буржуазная историография второй половины XVIII в., социологическое учение Радищева, исторические сочинения дворянских революционеров, в частности Герцена, положившего начало истории революционного движения в России, Белинского и ряда представителей революционной демократии 1860-х годов.

Другой существенный пробел касался непосредственно состава проблематики исторического исследования изучаемых историков и исторических школ, определяющих вторую, конкретно историческую перспективу историографического развития. Отставание в этой части в какой-то мере определялось общей тематикой исторической науки. Ряд вопросов приобрел важное значение и остроту в исторической литературе именно в последнее десятилетие.

И самая трактовка некоторых вопросов отвечала состоянию науки того времени, тогда как последняя проделала большой путь за эти два десятилетия. Можно привести примеры создавшегося отставания. Таков характер главы о Ломоносове. Историография завершилась главой о В. И. Ленине, являвшейся одной из первых попыток охарактеризовать значение трудов В. И. Ленина в развитии русской исторической науки. Но эта глава уже не отвечает современной разработке вопроса со всем богатством ее проблемного, конкретного содержания; она требует более развернутого историографического раскрытия. А вместе с тем данью времени, периоду культа личности Сталина, явилось выпадение работ

---

¹³ Думается, что следовало бы поставить вопрос о составлении полного словаря историков и исходить из него при создании будущих курсов историографии, освобождая их от ненужной перегрузки персоналиями, более четко отбирая их состав.

¹⁴ Практически он состоялся только зимой 1942 г.

ряда соратников В. И. Ленина и одновременное выделение и преувеличенная оценка работ И. В. Сталина.

Специальная работа по русской историографии может не включать историографии народов СССР, имеющей на протяжении длительного периода свою проблематику и собственную периодизацию историографического процесса. Но значение русских историков в разработке истории народов в ее связи с общерусской исторической наукой закономерно принадлежит к существу ее внутреннего развития. В какой-то мере это относится и к общим вопросам развития всеобщей истории в системе нашей исторической науки. Позднее в курсах, читавшихся в Библиотечном институте в 1950-х годах, мною включались соответствующие обзорные лекции по периодам, хотя приходилось мириться с ограниченностью их объема, а в монографии эти вопросы отсутствовали полностью.

За последнее время разработка общих обзоров и курсов историографии получила значительное развитие, притом с разной практической направленностью. Зато по-прежнему ощущается недостаток монографических исследований в этой области. Углубленное изучение отдельных ведущих историков или целых школ и направлений на значительно более широкой источниковедческой основе становится очередной научной задачей. На созданной таким путем расширенной материальной базе возникнет и требование нового обобщения. Именно в таком монографическом плане продолжались и мои занятия историографией в течение последующего периода¹⁵.

С середины 1940-х годов моя исследовательская работа снова сосредоточивается на вопросах социально-экономического развития русского феодализма и здесь вырабатываются и окончательно оформляются исследовательские пути их разработки. Опубликованная в 1946 г. статья «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в России в XVIII в.»¹⁶ явилась в известной мере подведением итогов предшествующих дискуссий и вместе с тем возобновлением конкретного изучения вопроса, определяя базу и направление исследования. Опубликованная вслед за этим вторая статья «О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России в XVIII в.»¹⁷ еще отчетливее и резче определила принципиальные позиции и соответственно направление дальнейшего изучения. Его содержание определилось теперь как комплексная проблема формационного изменения общественного строя: не как тема специального отраслевого изучения, а как структурное изменение общественного строя в целом — формирование и развитие капиталистического уклада.

Именно это определило исходную постановку вопроса как решение проблемно-теоретической задачи. В основу ее постановки должно было лечь марксистско-ленинское учение о генезисе капиталистической формации и разложении феодализма, исходящее в первую очередь из «Капитала» К. Маркса и особенно из ленинских работ 90-х годов, посвященных критике народничества и легального марксизма, получивших законченное обобщение в его классической работе «Развитие капитализма в России». При этом в соответствии с принципами марксистской методологии установление основных положений ставилось в непосредственную связь с итогами конкретного изучения, определявшими хронологическое приурочение совершавшихся структурных сдвигов к середине — второй половине XVIII в.

Тогда же, в 1947 г., в дополнительном томе БСЭ первого издания «Союз Советских Социалистических Республик» мною, С. С. Дмитрие-

¹⁵ Изучение летописного периода русской историографии; статьи о С. М. Соловьеве и подготовка архивной публикации о нем; работа над материалами И. Е. Забелина и Н. П. Павлова-Сильванского.

¹⁶ «УЗ МГУ», вып. 87.

¹⁷ «Вопросы истории», 1947, № 12.

вым и И. М. Разгоном был опубликован общий очерк истории СССР с древнейших времен. Авторский характер крупных периодизационных разделов при сравнительно обширном общем размере текста в условиях стилистической сжатости энциклопедического изложения придали основным разделам целостный характер в трактовке и изложении вопросов. Это значение статьи усиливалось принятой установкой на известную историографичность освещения в плане подведения итогов и выделения новейших достижений советской исторической науки. Несколько осложнило задачу то, что по характеру издания надо было учитывать некоторые установившиеся общие положения, и это в какой-то мере ограничивало авторскую свободу (напр., в вопросах периодизации).

Мною в этом издании был написан весь раздел до конца XVIII в. и в частности было дано развернутое понимание развития мелкотоварного производства в XVI — первой половине XVIII в. и систематический очерк формирования капиталистического уклада со второй половины XVIII в. во всем многообразии его исторического содержания. При этом были учтены первоначальные итоги новых архивных изысканий.

В силу своей законченности и насыщенности конкретным содержанием том этот привлек внимание читателей и был переведен на иностранные языки (в Германии, Польше, Китае, США).

Одновременно исходные положения проблемы генезиса капитализма в России были вынесены на широкую научную дискуссию, которая в 1947—1948 гг. развернулась на страницах журнала «Вопросы истории». Дискуссия закончена не была. Соответствующие дискуссии были поставлены и на кафедрах истории СССР Московского и Ленинградского университетов. Эти дискуссии, по темам которых я выступал в печати и позже¹⁸, безусловно помогли уточнить ряд положений и дальнейшее направление исследований.

Из уточнения тематического определения проблемы исследования вытекали и ближайшие задачи конкретного изучения. Речь шла о выявлении коренных структурных изменений общественного строя в целом, а не о частных, количественных показателях в отдельных отраслях хозяйства. В ходе научных дискуссий приходилось не раз обращать внимание на то, что вопросы развития общественного уклада, т. е. сдвигов формационного порядка не могут решаться обособленно в рамках той или другой отдельной отрасли хозяйства. Они устанавливаются так или иначе для всей системы общественных отношений, а затем, исходя из этого, речь идет уже о конкретных формах, которые принимает этот единый по сути процесс в отдельных сферах экономической и общественной жизни.

Отсюда для историка вытекала непосредственная необходимость комплексного изучения всего общественного, социально-экономического развития на данный период. Конечно, каждая сторона общественно-экономического развития требует дифференцированного рассмотрения, но последнее касается уже порядка обобщения и синтеза фактического материала и должно всегда осуществляться во взаимосвязи явлений.

Отсюда решался для меня и конкретный отбор материала на этом первом этапе комплексного изучения, направленного прежде всего на выяснение основных закономерностей, типизирующих процессов, установление сводимых в статистические ряды фактов. Поэтому внимание направлялось в первую очередь на источники, так сказать типизирующего характера, однородные по содержанию и последовательно охватывающие всю территорию страны, позволяя тем самым дать ее «генеральную» картину, в известной мере суммируя и обобщая сугубо индивидуальные особенности отдельных явлений. Речь шла о памятниках серийного характера, дающих систематическое освещение явлений по

¹⁸ См. статью «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России в XVIII в.». «Вопросы истории», 1952, № 2, и др.

стране в целом. Именно такую совокупность и развернутую в порайонном плане картину с охватом всех хозяйственных отраслей и общей социальной проблематики содержали «Топографические описания» губерний и «Экономические примечания к Генеральному межеванию». Сюда же примыкали многочисленные экономические анкеты (частично с различными экономическими профилями) и «наказы» в Уложенную комиссию 1767 г. «Топографические описания» дополнялись материалом географических путешествий. Такой же всеобъемлющий характер носили ведомственные источники — губернаторская переписка, сенатские дела и законодательство, а с более выраженным отраслевым уклоном — ведомственная документация Мануфактур-коллегии, Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции, Главного магистрата. Однотипность, как предпосылка обобщения и сведения к известному единству, отличает эти материалы.

Этой группе противостоял другой тип источников, привлекавших особое внимание исследователей в последние 20—30 лет, представлявших, так сказать, индивидуальные комплексы, внутренне отграниченного, замкнутого характера в хозяйственном и территориальном отношении. Наиболее типичным таким объектом исследования являлись вотчинные хозяйства, документация которых отложилась в вотчинных архивах; к ним примыкали соответственно материалы крупных промышленных предприятий или торговых компаний. Вотчинные архивы с их конкретной и детальной документацией открывали возможность всестороннего изучения как в отраслевом хозяйственном отношении, так и в социальном. С первой группой их сближала общая направленность структурного изучения хозяйственных процессов, но они не давали доступа к итоговым количественным показателям не только в объеме страны в целом, но даже в рамках района. Характеристику последнего с известным приближением они могли дать в отдельных случаях, при сравнительной численной полноте объектов по определенному району. В целом в этом плане они имели только представительный, в какой-то мере иллюстративный характер. Между этими двумя категориями материалов устанавливалась при этом своеобразная взаимосвязь. Итоговая общая характеристика по материалам первой группы составляла как бы совокупную базу для анализа отдельного конкретного комплекса, а последний мог явиться своеобразным контролем или проверкой для выводов, полученных на основе общих итоговых показателей. Количество выявленных конкретных комплексов остается очень ограниченным (и едва ли достигнет значительной полноты). Они представляют большую ценность для конкретного изучения внутренней хозяйственной структуры.

Учитывая указанное соотношение обеих групп материалов, первая получала исходное и определяющее значение. Необходимость ее систематической обработки и малая изученность источников вынуждала к личному изучению указанных фондов и определила трудоемкость работы. Правда, учитывая серийный характер ряда источников (напр., «Экономические примечания»), однотипность и простоту их структуры, можно было организовать группу для коллективной работы. Частично к этой работе мною были привлечены участники студенческих семинаров, дипломники и даже аспиранты, а в отдельных случаях учитывались результаты аспирантских работ, проводившихся на стороне (это позволяла однотипность источников и определившаяся система их обработки). При этом следует иметь в виду, что бояться обезлички материала не приходится не только в силу наличия соответствующих отсылок, но и в силу разной направленности авторской работы, поскольку внимание привлеченных мною товарищей сосредоточивалось как раз на индивидуальных особенностях и отклонениях районного, местного характера. Главная беда состояла скорее в слабой продвинутой указанным работ, причем в моей собственной работе приходилось применять известный

принцип отбора, особенно в тех случаях, когда в самом источнике отсутствовали дифференцированные итоги районного масштаба.

Серьезный вопрос представляла система собирания материала, его первичной обработки и классификации. При этом приходилось учитывать необходимость его довольно полной и систематической фиксации, тем более, что его конечная обработка с учетом всех многообразных комплексов материала должна была вестись в известной последовательности конкретных тем и распределяться на длительный период. В силу этого учет конкретных сведений и цифровых материалов должен был привести к своего рода конспектированию источника с воспроизведением наиболее важного табличного материала и с общей отсылкой к первоисточнику (постранично). Самый комплексный материал подлежал систематизации определенным приближением к первичному источнику, с размещением по географическому признаку или в порядке основной документации (по номерам) или, наконец, по типам источников (серийные издания, журналы, литература). В результате создавался как бы сокращенный или схематизированный дублетный архив, что облегчало нахождение и использование отдельного дела, обеспечивая возможность в случае надобности его проверки по первоисточнику. Нанесение дел на листы облегчало в дальнейшем тематическую группировку материала из отдельных первоисточников (архивных документов, публикаций или литературных памятников и научных исследований).

Особую сложность представляла последняя стадия работы, итоговая обработка текста исследования. Эта сложность вытекала из указанного уже комплексного характера исследования. Если собирание материала носило комплексный характер и его изучение исходило из принципа взаимной обусловленности и взаимосвязи явлений, то самое изложение должно было вестись практически по разделам, хотя и подчиненным общим социальным, структурным принципам, с подведением соответствующих социальных итогов. Такая обширность и сложность структуры требовала предварительной выработки общего плана исследования для обеспечения логической последовательности в соотношении его частей.

Такой план создавался постепенно, по мере мобилизации материала и получил первоначальное уточнение в конце 40-х — начале 50-х годов. В работе выделились три основные части, отвечавшие основным хозяйственным отраслям (сельское хозяйство, промышленность и торговля), общая вводная часть методологического характера и заключительная часть, посвященная общим социальным, структурным проблемам. Вводная часть включала историографический и источниковедческий разделы и общую сводную характеристику порайонного состояния хозяйства в середине XVIII в. («Территориальное разделение труда»), как предпосылку его конкретного отраслевого рассмотрения. Самый принцип территориального разделения труда, в соответствии с учением К. Маркса и В. И. Ленина, являлся при этом принципиальной структурной посылкой нового формационного этапа — капиталистического уклада, определяя взаимосвязь хозяйственных явлений и тем самым конкретного содержания отраслевых разделов.

Основной структурной проблемой для раздела сельского хозяйства являлось соотношение и взаимозависимость крестьянского и помещичьего хозяйства, как основных общественных ячеек сельскохозяйственной деятельности. В дальнейшем, когда вышла отдельной книгой моя монография о сельском хозяйстве, мне иногда ставилось в упрек выпадение из содержания раздела крестьянских промыслов, как органической части крестьянского хозяйства. Но все дело в том, что первичным структурным принципом было отраслевое деление, только рассмотренное в рамках социальной структуры. Включение крестьянских промыслов в систему крестьянского хозяйства потребовало бы соответствующего рассмотрения вотчинной мануфактуры в системе вотчинного хозяйства.

Поглотив отраслевое содержание сельского хозяйства в структурном социальном признаке крестьянского хозяйства, такое изменение в то же время взорвало бы внутреннее единство промышленной темы и в то же время оторвало бы мелкотоварное производство от формирования капиталистической мануфактуры — ведущего, центрального процесса исследуемого периода. Наконец, слабая изученность проблемы рынка для XVIII в. требовала тщательного изучения его структурной эволюции с укреплением стационарных форм городской торговли, органической связи внутреннего и внешнего торга. В прямой связи с этими вопросами в эту же часть включались вопросы транспорта и кредита. Последняя часть должна была содержать социальные итоги, обнимая основные проблемы структурных изменений — отношение города и села в России XVIII в., вопросы так называемого первоначального накопления и крестьянского разложения, реальное соотношение и общее положение основных классов формирующегося буржуазного общества.

Согласно такому развернутому плану уже при первоначальных наметках и учитывая обширность материалов, намеченные «Очерки» должны были составить два довольно объемистых тома, не менее 60—70 листов. Завершение работы, однако, затянулось, частично по не зависящим от меня обстоятельствам. Между тем, материалы продолжали накапливаться и объем их разрастался, и когда около 1955 г. я приступил к конкретной работе по разделам, стало ясно, что каждая часть намеченного плана потребует целого тома. Это не могло не сказаться на структуре самих томов, которые неизбежно должны были приобрести более самостоятельный и законченный характер. Надо было подумать и о сокращениях за счет менее принципиальных разделов.

В этой связи сокращение коснулось прежде всего 1 тома. Обширность накопившейся за это время литературы по общей теме и ее отдельным разделам придавала самодовлеющий и крайне громоздкий характер проектировавшейся «историографической» главе. Раздел источников социально-экономической истории XVIII в., частично подвергшихся уже за это время монографическому изучению, с учетом выделения отраслевых разделов в самостоятельные темы, приобретал самостоятельный характер и получал свою источниковедческую направленность. В 1957—1958 гг. он был использован мной при чтении специального курса в Историко-архивном институте и по моему предложению вошел в семилетний издательский научный план института.

Наиболее сложным оказался вопрос общей сводной характеристики социально-экономической структуры страны на середину XVIII в. — «территориального разделения труда». То же расчленение очерков на отдельные тома лишало этот раздел логического места в общей вводной части. В то же время его разработка оказывалась необходимой логической предпосылкой в моей собственной работе: она должна была определить реальные взаимосвязи отдельных отраслевых комплексов и давала отчетливое представление об органической структуре хозяйственных районов, без чего не могло быть дано конкретное понимание отдельных сторон хозяйственной жизни в их внутренней связи, в условиях осуществлявшихся структурных изменений, отражавших оформлявшиеся формационные сдвиги. В результате раздел этот был мною полностью написан и даже снабжен специальными статистическими таблицами. Он составил около 10 листов машинописного текста. Именно на основе этого материала был определен состав экономических районов в характеристике сельского хозяйства России в моей монографии. Привожу это специально как пример неизбежных «издержек производства» в исследовательской работе ученого, часть которой остается полностью, или во всяком случае надолго лишь материалом «для внутреннего употребления».

Таким образом, осуществление моего большого плана практически

разбилось на отдельные отраслевые тома. Последние были начаты специальным томом по сельскому хозяйству. Я дал тогда же обоснование такому выбору, учитывая то специальное значение, которое в оформлении новых капиталистических отношений играла промышленность, развитие капиталистической мануфактуры, давшее капиталистическую укладу у К. Маркса определение «мануфактурного периода». Действительные глубинные процессы, совершавшиеся в это же время в сфере сельского хозяйства, создавали в конечном счете реальные предпосылки комплексного изменения общественного строя.

Тщательная предварительная подготовка и наличие детально разработанного плана позволили в сравнительно короткий срок реализовать программу первого тома. На литературную обработку материала ушел год напряженной работы. Книга была выпущена издательством осенью 1957 г. В тексте пришлось воздержаться от уточнения общего плана большой работы: это могло бы устранить некоторые недоразумения у читателя, но безусловно усложнило бы отношения с издательством. На работе сказались также жесткие ограничения листаж; так, на последнем этапе по этим соображениям была снята глава о крестьянской борьбе XVIII в., написанная по архивным материалам по специальному требованию редакции (она была напечатана затем с большими сокращениями в журнале «Вопросы истории»).

Собранные мною материалы для последующих томов пока реализованы лишь в отдельных публикациях частного характера. Возобновляя в настоящее время работу, я снова допущу, видимо, отступление от естественной тематической последовательности и обращусь к теме «Всероссийский рынок во второй половине XVIII века». Этот выбор снова связан с несомненным отставанием в разработке названного вопроса. Определенную сложность представляет и здесь переплетение этой темы с рядом смежных вопросов и прежде всего с развитием русского города, изучение которого начало заметно продвигаться лишь в последнее время.

* * *

Мне остается подвести некоторые итоги.

Я хотел бы прежде всего довести до сознания читателей, что подготовка ученого-историка — вопрос призвания.

На университетской скамье, под влиянием профессорских лекций может определяться та или иная рабочая специальность, профессиональная специализация в области занятий историей, преподавания истории. Но ученым в исторической науке надо делаться именно по призванию. Это обусловлено, помимо всего, необходимостью овладения обширным объемом (кстати, непрерывно возрастающим) научных знаний и в то же время необходимостью собственного творческого подхода к содержанию науки, который тоже должен выработаться рано и самостоятельно. Должен сказать, что даже те трудности в овладении знаниями, с которыми я сталкивался уже в пору студенческую и в начале самостоятельной работы, принесли мне и в дальнейшем немало затруднений, обусловили нередко серьезные пробелы, которые приходилось восполнять спешно, в условиях большого напряжения. Это положение определяет и исходное требование — активное накопление исторических знаний уже в школьные годы, наличие определенной вооруженности к моменту первых самостоятельных шагов студенческих лет.

Не менее важный вопрос — выработка методики самостоятельной научной работы. Широкое распространение семинарских занятий в современных высших учебных заведениях и полезный контакт студентов с преподавателями значительно упрощают организацию научной работы студентов. Тем не менее и сейчас в наших учебных заведениях ощущается недостаток в специальном учебном пособии, обозначающем

как учебник по «методике истории». «Lehrbuch der historischen Methode» Э. Бернгейма в немецких университетских заведениях выдержал много изданий; близка к нему по типу книга видных буржуазных историков Ланглуа и Сеньобоса «Introduction aux études historiques». Своего рода «путеводители» облегченного типа издаются рядом учебных заведений. У нас они до сих пор совсем отсутствовали. Может быть, сказывалось даже известное предубеждение, опасение подмены методикой методологии, которая дается в курсе марксизма-ленинизма. Но такого рода методика имела бы свою конкретную практическую задачу. Она знакомила бы студентов с наиболее актуальной тематикой исследований и с принципами конкретного определения темы — характер вопросов, объем темы, ее обеспеченность материалами и т. д.; с порядком выявления источников и литературы — библиографическими пособиями, методикой библиографических разысканий и составления библиографических списков; с системой изучения вопроса — анализа литературы и источников и методами научного синтеза, то есть научного обобщения и порядка изложения материала. Надо отметить крайнюю беспомощность начинающего работника и в подготовительных работах, и в самой подаче научного материала.

В последнее время у нас стали появляться работы такого типа, но их профиль остается еще нечетким. П. Н. Берков выпустил ценное «Введение в технику литературоведческого исследования» (Л., 1955). Книга знакомит с приемами библиографических изысканий и содержит справки о важнейших учреждениях, хранящих литературные источники. В Московском университете выпущено пособие для заочного обучения под ред. С. С. Дмитриева — «История СССР периода капитализма». Основное значение и здесь имеет научно-справочный отдел. Особый интерес представляет содержательная характеристика справочных изданий и специальный обзор русских исторических журналов — результат большой исследовательской работы С. С. Дмитриева. Материалы, собранные в разделе «Тематика семинаров», могут дать интересное направление работе студентов, на которых рассчитано издание. Но задача «Введений», о которых идет речь, по-моему должна быть шире. Они должны знакомить с «методикой» собственно научной работы, прежде всего с методикой научного анализа — не только с вопросами критики источника и всем, что к этому относится, но и с соответствующими основными понятиями исторической науки, а с другой стороны, с принципами обобщения материала, исторического синтеза, с порядком оформления материала и подачи его читателю.

Обращаясь к выработке очень важных навыков библиографической работы начинающего научного работника, мне бы хотелось обратить особое внимание на значение систематического библиографического учета научной литературы. Речь идет не просто о навыках пользования справочными изданиями и каталогами для подыскания литературы по заданной теме. Очень важно в процессе научной работы, чтения специальной литературы систематически учитывать встретившуюся специальную литературу по заинтересовавшей вас теме и постепенно подбирать в своей записной книжке тематические записи литературы, начиная их ссылкой на ту специальную работу, которая явилась первоначальным источником таких записей. Возможно, в данный момент у вас для знакомства с этой литературой не окажется времени, но поскольку вопрос вас заинтересовал, очередь для него придет. У меня еще сейчас сохраняются порой такие записи, причем параллельно в записных книжках появлялись и заметки по содержанию этих книг.

Очень важный вопрос — система записи о научной книге. При этом необходимо различать первоначальную запись общего характера и запись целевую, возникающую в порядке работы над книгой по специальному вопросу. Запись последнего порядка проста: она представ-

ляет выборку материалов, непосредственно нужных вам для конкретной работы. Куда важнее вопрос о записи первого рода. Самая фиксация прочитанной книги, несомненно, существенна: вы обращаетесь к ней в силу наличия определенной связи ее с вашими научными интересами, и такая запись — определенная памятка. Но при отсутствии конкретной целевой направленности она должна быть предельно краткой, чтобы не загромождать память и сохранять обозримость записей. Лучше всего выделить для специальной темы особую тетрадь или часть тетради и ограничиваться общей характеристикой содержания, а также обозначением существенных конкретных данных или ценных идей с отсылкой к соответствующей странице. Я часто злоупотреблял хорошей зрительной памятью и тем, что легко нахожу нужное место в книге. Но через некоторое время зрительная заметка стиралась, а ее восстановление поглощает много времени. В отдельных случаях, когда дальнейшая целевая направленность уже обозначилась, следует выделять отдельные, более обстоятельные выписки. Тогда запись в книжке послужит в дальнейшем и практическим толчком в последующей работе.

Один из важнейших вопросов — научная специализация. Последняя, безусловно, необходима. Но прежде всего она не должна быть слишком поспешной, ей должна предшествовать достаточная общая подготовка. Особенно хочется предостеречь против слишком узкой специализации. Кое-кому это может показаться странным. Мы привыкли делать упор на маленькие темы, усматривая в этом условии максимальной полноты использования источников и тщательности их разработки. Мое возражение касается не ограниченности конкретной темы, а ограниченности ее содержания, того, что мы называем мелкотемьем. Данная тема должна иметь своего рода подтекст: анализ частного вопроса должен обязательно подводить к выяснению большого принципиального вопроса и открывать путь для последовательного расширения содержания работы. Так, изучение западных путей торговли Киевской Руси послужило мне ключом к общей проблеме экономического строя Киевской Руси; анализ текста «Уложения о среднем роде людей», выработанного Уложенной комиссией 1754 г., раскрыл характер общественной и политической борьбы в России в середине XVIII в. Глубокая внутренняя связь частного и общего является условием плодотворности научной работы, показывает правильность выбора темы. «Узкая» тема должна открывать путь к постановке и решению больших научных вопросов.

Именно поэтому исследователь должен всегда идти от глубокого понимания основных вопросов целостного исторического периода. Представляет определенную опасность, когда молодой научный работник сразу определяется в научно-исследовательский институт и садится на маленькую частную тему с конкретным рабочим заданием. В этом выборе темы нет ничего творческого, а формальная законченность его практического задания исключает дальнейшую перспективу. Такой работник может так и застыть на подобной переходной теме, сменяющей одна другую и не рождающей настоящего научного познания. С этой точки зрения более благоприятные условия имеют работники высшей школы, где конкретная научная тема обычно сочетается с работой над общим или специальным лекционным курсом, требующей углубления в более широкую научную тематику. Впрочем, опасный крен узкой специализации чувствуется нередко и здесь; в практике высшей школы нередко возникала тенденция деления курса на узкие отрезки между рядом лекторов.

Мне хотелось бы в этой связи остановиться на специальном вопросе выбора темы исследования. Перед советскими историками — обширная тематика, требующая углубленной разработки. Плодотворность марксистско-ленинской методологии раскрыла нетронутые «углы» во всех периодах нашего прошлого. Но я хотел бы остановиться на одной сто-

роне вопроса — на том же соотношении специальных частных и обобщающей сводной темы на примере тех двух тематических комплексов, о которых речь шла выше, так как всей тематики все равно не исчерпать.

В области историографии, как уже говорилось, разработка широких обзоров заметно продвинулась, в то время как монографическое изучение ведущих историков или отдельных школ и направлений резко отстало и определенно тормозит разработку истории нашей науки в целом. О большинстве крупнейших русских историков у нас отсутствуют специальные монографические исследования, даже не завершена работа по выявлению их научного наследства. Следует напомнить, что лишь последнее издание сочинений В. О. Ключевского ввело в научный оборот целый ряд его лекционных курсов и других материалов, но отразились они лишь в соответствующих вводных статьях этого издания.

По-видимому, в этой же плоскости следует искать решение вопроса о построении историографии советского периода. В последнее время была проявлена ценная инициатива по разработке периодизации советской историографии. Но лишь монографическое изучение работы советских историков и разработка основной проблематики откроет путь к конкретному выяснению общих историографических процессов, к установлению истинной взаимосвязи историографических явлений. По-видимому, существенной трудностью в этом отношении остается отбор персонала применительно к современности.

Но, подчеркивая жизненное значение этой тематики для самой исторической науки, хочется отметить и опасность недостаточного учета ее методологической трудности. Историографическая тема — не только конкретно-историческая, но требует также особо серьезной методологической и философско-исторической трактовки. Историографическое изучение требует наличия соответствующих исторических знаний в области той тематики, которой занимается изучаемый историк. Историограф должен обладать определенной исторической научной компетентностью, а это означает требование научной зрелости от избирающего историографическую тематику. Попытки избрать историографическую тему для кандидатской диссертации, как правило, оказывались неудачными.

Широкое распространение получила за последнее время тематика по истории капиталистического уклада в России (XVIII — первая половина XIX вв.) в ее различных разрезах и планах. Среди них может быть особо выделена серия работ по монографическому изучению отдельных хозяйств, построенному на индивидуальных фондах — вотчинных архивах, архивах промышленных предприятий и т. п. В течение двух последних десятилетий такие исследования приобрели в известной мере серийный характер. В принципе никакой «опасности» это явление не представляет, если в основе лежит решение определенной теоретической проблематики, а не однотипное формальное описание, если специфика условий географического района и социальной структуры определяет в каждом случае свое индивидуальное и закономерное решение этих вопросов. Исчерпывающая обработка всех наличных частных комплексов безусловно желательна, в отдельных случаях возможно комплексное изучение целой группы таких объектов в рамках единого экономического района.

Решение основных проблем может и должно идти обоими путями — и через монографическое изучение, когда избранный объект дает материал для решения новой научной проблематики, и через сводный обзор, поскольку он на данном этапе представляет новое обобщение предшествующей исследовательской работы и тем самым помогает выявлению новых проблем и задач конкретного изучения.

Наконец, я хотел бы вернуться к более частным, но также важным

вопросам технического порядка, относящимся к технике собирания и обработки исторического материала. Не приходится говорить, что каждая научно-исследовательская работа требует предварительного тщательного изучения литературы вопроса и опирается на изучение первоисточников в публикациях и архивных фондах. Привлечение архивов, особенно для молодого начинающего историка, представляет особенное значение: оно вносит свой особый аромат в работу, вызывает ряд вопросов, личных наблюдений и впечатлений, которые выступают приглушенно, стираются, когда ты получаешь материал уже из вторых рук, в чужой обработке. Конечно, это предполагает хорошее знание имеющихся публикаций, чтобы избежать ненужной дублировки. Надо при этом особо оговорить, что, скажем, по периоду XVIII в. архивные фонды еще далеко не использованы, а печатная литература в значительной своей части относится к тому же XVIII в. и сама является еще источником особого рода. Может быть этим определяется в значительной мере методика, техника предварительной обработки этих материалов, их выверка и письменная фиксация.

Вопрос идет о том, как ее проводить. У ряда ученых отмечается приверженность к занесению записей на карточку, к созданию картотеки. Мне лично представляется, что картотека обоснована, когда она преследует прежде всего справочные цели, когда она ориентируется на словарную или библиографическую задачу и предполагает сравнительно простой формальный принцип группировки, например, по алфавиту имен или мест. Как только перед вами оказывается отчетливая систематизация материала по содержанию, следует избегать его искусственного дробления, неизбежного при пользовании картотечкой. Это относится прежде всего к литературе вопроса. Литература довольно отчетливо группируется по своей тематике и конкретному содержанию и ее всего целесообразнее объединять в специальные тетради. Только там, где имеешь дело с источником, объединяющим различные тематические материалы (например, географическое путешествие И. И. Лепехина), такой памятник целесообразно вынести из общей тетради в самостоятельную запись. То же относится и к крупному архивному фонду, когда он объединен единством содержания, предмета.

Вторая форма записи, которая больше всего привлекала меня, особенно когда речь шла о серийных источниках, самостоятельных, но однотипных, — занесение содержания источника на листы обычного писчего формата, соединив их скрепой в объеме архивного дела. Такая организация материала имеет то преимущество, что, сохраняя единство дела, сообразно его содержанию, она позволяет, с одной стороны, группировку самих дел в целом по их содержанию: например, группировка топографических описаний или губернских донесений по территориальным комплексам — районам. С другой стороны, внутри архивного дела возможно выделение тематического материала, временно отключая соответствующие листы из дела и группируя с листами специального назначения из других дел. Такая органически связанная фиксация материала обеспечивает его целостное всестороннее использование. Подобная группировка допускает и предварительную обработку материала, заготовку соответствующих сводок, в частности, типа сводных таблиц, определенных направлением исследовательской работы. О характере и содержании самих записей я уже говорил выше.

Пусть не посетуют на меня товарищи, что от принципиальных вопросов науки я перешел к некоторым замечаниям чисто технического порядка. В организации научной работы все вопросы важны. А наша общая задача состоит в том, чтобы в содружестве обоих поколений получила успешное развитие наша советская историческая наука